ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-9-14**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ШАГИН Егор Андреевич,
студент 2 курса магистратуры ВШГА МГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБОК ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу юридических последствий, возникающих при сбоях и дефектах государственных информационных систем в процессе контрольно-надзорной деятельности.*

Автор исходит из противоречия между юридической презумпцией достоверности государственных данных и фактической уязвимостью автоматизированных систем к ошибкам.

Цель работы - систематизировать правовые риски, порождаемые такими ошибками, и предложить направления совершенствования регулирования. Методологическая база включает формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод и обобщение судебной практики 2024-2026 годов.

Установлено, что законодательство не разграничивает умышленное искажение сведений и технические дефекты, что ведёт к несправедливому возложению ответственности на добросовестных лиц. Обоснован вывод о необходимости специального правового режима для «информационных ошибок». Результаты применимы в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: *государственные информационные системы, контрольно-надзорная деятельность, недостоверные сведения, ответственность государства, цифровизация, судебная практика.*

SHAGIN Egor Andreevich,
2nd-year Master's student, Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University

LEGAL CONSEQUENCES OF ERRORS IN STATE INFORMATION SYSTEMS WITHIN THE CONTEXT OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES

Annotation. *This article analyzes the legal consequences arising from malfunctions and defects in state information systems during control and supervisory activities.*

The author addresses the contradiction between the legal presumption of the accuracy of state-held data and the inherent vulnerability of automated systems to errors.

The objective of this study is to systematize the legal risks generated by such errors and to propose avenues for improving the relevant regulatory framework. The methodological approach includes formal legal analysis, the comparative legal method, and a synthesis of judicial practice from 2024–2026.

It is established that current legislation fails to distinguish between the intentional distortion of information and technical defects, which leads to the unfair imposition of liability on bona fide parties. The author argues for the necessity of a specialized legal regime for «information errors.» These findings are applicable to both legislative and law-enforcement (regulatory application) processes.

Key words: *state information systems, control and supervisory activities, inaccurate information, state liability, digitalization, judicial practice.*

Перенос контрольных процедур в электронную среду затронул не только порядок их проведения, но и природу угроз для участников отношений. Решение о взыскании, отказе в согласовании или приостановлении деятельности всё чаще формируется программным комплексом. В результате гражданин или организация несут неблагоприятные последствия не вследствие нарушения установленного правила, а вследствие дефекта функционирования информационной системы.

Нормативная правовая база продолжает рассматривать сведения из государственных реестров как заведомо достоверные. Между тем практика свидетельствует о дублировании записей, сбоях каналов межведомственного обмена и искажении данных при автоматической обработке. Программные документы о развитии контроля ориентируют на повсеместное использование цифровых инструментов, однако не содержат механизмов защиты от их погрешностей.

Отдельные стороны цифровизации контроля затрагивались в публикациях М. Б. Добробабы [13], С. Е. Чаннова [17], А. В. Мартынова [4]. Проблему соотношения публичных и частных интересов поднимал В. В. Скаков [15]. Однако целостного анализа ситуации, при которой вред причиняется не умыслом, а техническим дефектом, до настоящего времени не предпринималось.

Цель работы - выявить и систематизировать правовые последствия сбоев государственных информационных систем в контрольной сфере и определить направления корректировки законодательства. ***Задачи:***

1. раскрыть понятие «ошибка информационной системы»;
2. отграничить намеренное искажение от технической погрешности;
3. описать виды последствий;
4. обобщить практику 2024-2026 годов;
5. сформулировать предложения по изменению норм.

Объект исследования - отношения, возникающие при функционировании государственных информационных систем в ходе контроля (надзора). ***Предмет*** - правовые нормы, судебные акты и доктринальные позиции, касающиеся последствий сбоев в таких системах.

Методология

Работа сочетает анализ нормативно-правового материала с обобщением правоприменительной практики. Эмпирическую основу составили положения Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [5], КоАП РФ [3], УК РФ [16], разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [8], обзоры судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов за 2024-2026 годы [9-14], а также публикации в научных изданиях 2024-2026 годов [2; 7; 5].

Методологическую основу образуют общенаучные приёмы (анализ, синтез, обобщение) и специальные юридические методы: формально-юридический (при толковании норм Федерального закона № 248-ФЗ и КоАП РФ), сравнительно-правовой (при сопоставлении подходов к ответственности заявителя и государства), метод анализа судебных актов (при обобщении практики арбитражных судов).

Исследование проведено в три этапа. На первом этапе раскрыто содержание понятия «ошибка информационной системы» и его соотношение со смежными категориями. На втором этапе изучены материалы практики, позволяющие выявить типичные ситуации возникновения правовых последствий. На завершающем этапе сформулированы предложения по корректировке законодательства.

Понятие ошибки информационной системы и её отличие от умышленного искажения

Юридическая традиция разграничивает сведения, заведомо не соответствующие действительности, и сведения, ставшие такими в силу случайных обстоятельств. В первом случае подразумевается умысел, во втором - погрешность, в том числе техническая. Применительно к государственным информационным системам это разграничение утрачивает определённость: если данные исказились при автоматической обработке или межведомственной передаче, умысел отсутствует как у заявителя, так и у оператора.

В контрольной сфере проблема приобретает особую остроту. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 248-ФЗ, под государственным контролем (надзором) понимается деятельность органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований [5]. Когда такая оценка осуществляется авто-

матизированными системами, ошибка алгоритма способна привести к необоснованному выявлению «нарушения», которого в действительности не было.

Показателен случай 2025 года, когда работник органа ЗАГС внесла в ФГИС ЕГР ЗАГС запись, не соответствующую действительности. Суд отметил, что подобные сведения способны существенно нарушить интересы государства. Европейская конвенция о гражданстве исходит из того, что решения о гражданстве могут быть пересмотрены в административном или судебном порядке. Тем самым публичная власть допускает вероятность собственной ошибки и предусматривает способ её устранения.

Разграничение ответственности заявителя и государства

Обязанность отвечать за достоверность сведений возложена на лицо, их подающее: при выявлении подделок и подлогов оно отвечает вплоть до уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ [16]. Административные санкции по ст. 13.15 КоАП РФ достигают 500 тысяч рублей, а ст. 207.2 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет.

Однако эта логика не применяется, когда сбой возникает на стороне системы. В 2025 году сотрудники социальной защиты, добросовестно заблуждаясь, назначили выплату на основании подложного свидетельства. Формально они действовали без нарушения, однако неблагоприятные последствия затронули третьих лиц. Возникает вопрос: где проходит граница между ответственностью подателя сведений и ответственностью государства за качество собственных систем? Прямого ответа правовые нормы не содержат.

Аналогичная проблема возникает в контрольной сфере. Пленум Верховного Суда РФ в п. 26 постановления от 25.06.2019 № 20 разъяснил, что под автоматическим режимом следует понимать работу технического средства без непосредственного воздействия человека [8]. Такие средства должны быть сертифицированы, иметь действующее свидетельство о метрологической поверке и применяться согласно регламентирующим документам.

Однако даже сертифицированное оборудование не застраховано от сбоев. Если при рассмотрении жалобы возникают сомнения в корректности работы средства, судья вправе истребовать документы о метрологических характеристиках, алгоритме работы программного обеспечения и перечне выявляемых правонарушений. Тем не менее бремя доказывания невиновности при автоматической фиксации возложено на само лицо: согласно примечанию к ст. 1.5 КоАП РФ, презумпция невиновности не распространяется на правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме средствами [3].

Виды юридических последствий

Для контролируемого лица последствия — это необоснованные предписания, отказы в согласовании, приостановление деятельности. Согласно ст. 90 Федерального закона № 248-ФЗ, при выявлении нарушений контрольный орган обязан выдать предписание об устранении нарушений [5]. Предписание как ненормативно-правовой акт должно отвечать принципу правовой определённости и содержать чёткие указания на конкретные действия. Если оно основано на ошибочных данных информационной системы, то не только незаконно, но и дезорганизует деятельность контролируемого лица. Оспаривание требует временных и финансовых затрат, а отсутствие единого акта об административных процедурах усиливает неравенство сторон.

Для государства последствия не менее обременительны: необходимость отмены незаконных решений, возмещения ущерба, восстановления нарушенных прав. Удаление записей из реестров допускается лишь после вступления в силу судебного решения, что увеличивает нагрузку на судебную систему. Изменения декабря 2025 года закрепили подход, при котором решения контрольных мероприятий не требуют отдельного оформления: юридическую силу приобретает сама запись в Едином реестре. Следовательно, любая неточность в реестре автоматически приобретает правовое значение. Формируется новая разновидность споров - «реестровые», по аналогии с делами о записях в ЕГРЮЛ и ЕГРН.

Судебная практика 2024-2026 годов

В практике арбитражных судов сформировался подход, согласно которому предписание должно содержать только законные требования, а на юридическое лицо может быть возложена обязанность по устранению

лишь тех нарушений, соблюдение которых обязательно для него в силу закона [9]. Предписание не должно носить абстрактный и размытый характер; необходимы чёткие, бесспорные и убедительные доказательства того, что его выдача будет служить достижению целей.

Значим и подход, согласно которому при выявлении нарушений в ходе контрольных мероприятий без взаимодействия контрольный орган может выдать предписание, однако оно должно быть исполнимым и соответствовать принципу правовой определённости [13]. Выездное обследование проводится без информирования контролируемого лица, и, если в ходе такого мероприятия выявлены признаки нарушений, решение о выдаче предписания должно основываться на достоверных данных.

В сфере автоматической фиксации суды всё чаще проверяют корректность работы технических средств. Если при рассмотрении жалобы возникают сомнения в корректности работы устройства, суд вправе запросить свидетельство о поверке, описание типа средства измерения, документы о сертификации [14]. В одном из дел суд установил, что в материалах отсутствуют сведения о том, что работающее в автоматическом режиме средство функционировало без непосредственного воздействия человека, и признал применение особого порядка привлечения к ответственности неправомерным [11].

Вместе с тем сохраняется сложность разграничения умысла и технической погрешности. Одинаковые по существу ситуации получают различную правовую оценку в зависимости от того, удаётся ли суду установить источник ошибки. Это порождает неопределённость как для контролируемых лиц, так и для самих контрольных органов.

Направления совершенствования регулирования

Представляется возможным предложить несколько мер.

Прежде всего, следует закрепить в законе понятие «ошибка государственной информационной системы» и предусмотреть особый порядок оспаривания решений, принятых на её основе. М. Б. Добробаба полагает, что принятие закона об основах регулирования технологий искусственного интеллекта на основе риск-ориентированного подхода устранило бы правовую неопределённость [12].

Не менее важно установить презумпцию добросовестности заявителя при отсутствии доказательств умысла. Это соответствует общему принципу административного судопроизводства, согласно которому неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в его пользу. Целесообразно ввести досудебный порядок рассмотрения жалоб на сбои с участием оператора и независимого эксперта: ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод допускает несудебный орган, но требует достаточных гарантий эффективности [18].

Отдельного внимания требует разграничение ответственности за умышленное предоставление ложных сведений и за использование недостоверных данных, возникших вследствие сбоя. В контрольной сфере это означает дифференциацию последствий для случаев умышленного представления недостоверных сведений и случаев, когда недостоверность возникла вследствие дефекта системы межведомственного обмена.

Наконец, принцип «человек в контуре» предполагает обязательное участие человека при принятии решений, влекущих штрафные санкции или выдачу предписаний. Целесообразно закрепить в Федеральном законе № 248-ФЗ норму об ответственности оператора информационной системы за вред, причинённый контролируемому лицу вследствие ошибки такой системы. Это создало бы стимул для повышения качества работы государственных информационных систем.

Заключение

Цифровизация контрольной деятельности порождает новую разновидность правовых рисков, связанных со сбоями государственных информационных систем. Такие сбои способны приводить к необоснованной выдаче предписаний, отказам в согласовании, приостановлению деятельности и иным неблагоприятным результатам для лиц, не совершавших противоправных действий.

Действующие правовые нормы не учитывают специфику информационных ошибок и приравнивают их к умышленному предоставлению ложных сведений. Ответственность возлагается на добросовестных лиц, тогда как подлинный источник проблемы - дефект системы - остаётся вне поля правового регулирования. Такой подход не

согласуется с началами справедливости и правовой определённости.

Практика 2024-2026 годов демонстрирует формирование отдельных защитных механизмов, в частности требования проверки корректности работы технических средств и принципа правовой определённости предписаний. Однако эти механизмы носят разрозненный характер и не образуют целостной системы защиты.

Представляется необходимым сформировать специальный правовой режим для информационных ошибок, включающий: законодательное закрепление понятия; презумпцию добросовестности заявителя; досудебный порядок рассмотрения жалоб с участием независимого эксперта; разграничение ответственности за умышленное искажение и за использование недостоверных данных вследствие сбоя; ответственность оператора за вред, причинённый ошибками системы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов при подготовке поправок в законодательство о государственном контроле и информационных системах, а также в практике рассмотрения споров, связанных с ошибками в реестровых данных и автоматизированных решениях контрольных органов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением зарубежного опыта правового регулирования ответственности за сбои государственных информационных систем и с разработкой механизмов досудебного оспаривания решений, основанных на ошибочных данных.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

[2] Добробаба М. Б. Применение технологий искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2026. — № 6. — С. 31–39.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

[4] Мартынов А. В., Бундин М. В. О правовых принципах применения искусственного интеллекта при осуществлении органами исполнительной власти контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. — 2020. — № 10. — С. 59–75.

[5] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5007.

[6] Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 11. — Ст. 1715.

[7] Правовые проблемы и перспективы цифровизации в системе государственного контроля (надзора) // Молодой учёный. — 2026. — № 25 (625). — С. 112–115.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 9.

[9] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 22.05.2024 по делу № А33-21161/2023. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[10] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 13.02.2025 по делу № А33-646/2025. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[11] Решение Арбитражного суда Приморского края от 14.05.2025 по делу № А51-23406/2024. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[12] Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19.01.2025 по делу № А63-8256/2024. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[13] Решение Арбитражного суда Челябинской области от 28.01.2025 по делу № А76-24087/2023. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[14] Решение Арбитражного суда Ярославской области от 04.09.2025 по делу № А82-14875/2024. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[15] Скаков В. В. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в риск-ориентированном подходе // Молодой учёный. — 2026. — № 26 (629). — С. 166–168.

[16] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание за-

конодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

[17] Чаннов С. Е. Большие данные в государственном управлении: возможности и угрозы // Журнал российского права. — 2018. — № 10 (262). — С. 111–122.

[18] Handbook on access to justice // European Court of Human Rights. — 2024. URL: https://www.echr.coe.int (дата обращения: 15.09.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 5. — Art. 410.

[2] Dobrobaba M. B. Application of Artificial Intelligence Technologies in Control and Supervisory Activities // Bulletin of the O. E. Kutafin University. — 2026. — No. 6. — pp. 31–39.

[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on July 26, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 1 (Part 1). — Art. 1.

[4] Martynov A. V., Bundin M. V. On the Legal Principles for the Application of Artificial Intelligence in the Exercise of Control and Supervisory Activities by Executive Authorities // Journal of Russian Law. — 2020. — No. 10. — pp. 59–75.

[5] On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (Part 1). — Art. 5007.

[6] On the Specifics of Organizing and Implementing State Control (Supervision) and Municipal Control: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 10, 2022, No. 336 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 11. — Art. 1715.

[7] Legal Issues and Prospects for Digitalization in the System of State Control (Supervision) // Young Scientist (Molodoy Ucheny). — 2026. — No. 25 (625). — pp. 112–115.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2019, No. 20 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2019. — No. 9.

[9] Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated May 22, 2024, in Case No. A33-21161/2023 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[10] Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated February 13, 2025, in Case No. A33-646/2025 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[11] Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated May 14, 2025, in Case No. A51-23406/2024 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026). [12] Decision of the Arbitration Court of Stavropol Krai dated January 19, 2025, in case No. A63-8256/2024. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[13] Decision of the Arbitration Court of Chelyabinsk Oblast dated January 28, 2025, in case No. A76-24087/2023. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[14] Decision of the Arbitration Court of Yaroslavl Oblast dated September 4, 2025, in case No. A82-14875/2024. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[15] Skakov V. V. Ensuring a Balance Between Public and Private Interests Within a Risk-Based Approach // Molodoy Uchenyy [Young Scientist]. — 2026. — No. 26 (629). — pp. 166–168.

[16] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 25. — Art. 2954.

[17] Channov S. E. Big Data in Public Administration: Opportunities and Threats // Journal of Russian Law. — 2018. — No. 10 (262). — pp. 111–122.

[18] Handbook on access to justice // European Court of Human Rights. - 2024. URL: https://www.echr.coe.int (access date: 09/15/2026).